

ДОЧЬ ВОЛКА

Андрей ДЫШЕВ
БЕЗ АЛИБИ

Дочь волка и Кирилл Вацура

Андрей Дышев

Без алиби

«Андрей Дышев»

1995

Дышев А. М.

Без алиби / А. М. Дышев — «Андрей Дышев», 1995 — (Дочь волка и Кирилл Вацура)

Их состязание – это смертельный поединок. Они поднимаются ночью по отвесной скале, рискуя в любое мгновение сорваться и разбиться вдребезги. Этот поединок с киллером Кирилл Вацура проигрывает, но по следам убийцы выходит на секретную лабораторию по производству наркотиков, расположенную в горах Таджикистана...

Содержание

1	6
2	9
3	15
4	20
5	26
6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Андрей Дышев

Без алиби

Андрей Дышев

* * *

1

Я догадываюсь, зачем она приехала. Но напрасно старалась. Я отвоевался. Все, точка.

У человека, как и у металла, тоже есть свой запас прочности. Гнет, гнет тебя жизнь, ты держишься, сопротивляешься, борешься, но в один прекрасный момент хрясь! – и готов. И медицина бессильна. Вот этого я боюсь и потому в авантюры не влезаю. Живу тем, что изредка помогаю Климу перевозить бочки с килькой на московский поезд, и в сезон сдаю свою, так сказать, дачу, отдыхающим. На еду хватает, а больше мне и не надо. Веду здоровый аскетический образ жизни, по-прежнему увлекаюсь круглогодичным плаванием в море и горами. Это намного безопаснее и полезнее для здоровья.

Но вот Анна, по-моему, намерена поставить крест на моей затянувшейся эйфории. Всю зиму и весну звонила из Москвы, намекала, что хочет провести лето в Судак. Я ей тоже намекал, что по прогнозам вода будет ледяной и грязной, потому что в километре от берега затонула баржа, и в море вылилось тридцать семь миллионов баррелей нефти, и ей лучше провести лето где-нибудь на Багамах, тем более, что ей, как сотруднице преуспевающей столичной торговой фирмы, это вполне по средствам. Я, конечно, поступил не по-джентельменски, солгав насчет прогнозов и затонувшей баржи, но больше нечем было удержать Анну от себя на дистанции.

– Ты как будто не рад, – сказала она, появившись ранним июньским утром на пороге моей квартиры. Протянула сумку, подставила щеку для поцелуя. – Извини, что так неожиданно, но меня скоростно выгнали в отпуск.

Мы не виделись с того дня, как простились на Ленинградском вокзале осенью прошлого года, вернувшись российским рыболовным теплоходом из Лимы. Она мало изменилась, даже каким-то чудом сохранила на лице бронзовый приамазонский загар. Но короткую стрижку, с которой ходила по сельве, обновлять не стала, и светлые волосы, стянутые на затылке заколкой из черного бархата, теперь доставали до плеч.

Я не стал лицемерно суетиться, изображать бурную радость и, даже не предложив кофе, отвел ее на дачу, расположенную под Портовой башней старой крепости и показал ей на крышу, хорошо замаскированную плотными зарослями винограда.

– В домике, к сожалению, уже занято, – сказал я. – Но там тоже хорошо. Когда ты прийдешь, тебя с крыши силой не стащишь.

Одно из немногих качеств, которое мне нравилось в Анне, – это то, что она умела быстро приспосабливаться к любым неудобствам. Я помню, как она босой разгуливала по Ла-Пасу, как мы целые сутки мчались в разогретой солнцем машине в Лиму, как она вытаскивала меня из прибоа, как спокойно отреагировала на взрыв в кузове нашей машины по пути в Пукальпу... Девушка восприняла крышу дачи так же, как и ту мрачную каюту, в которой нам пришлось плыть из Лимы в Питер. Она постучала ногой по деревянной, наполовину прогнившей лестнице, ведущей наверх, ухватила рукой за ветку ореха и стала осторожно подниматься по ступеням.

– Да-да, конечно, – говорила она. – Здесь тоже неплохо. Вид замечательный. Крепость как на ладони, горы, мусорные баки... На раскладушку я могу рассчитывать? – спросила она минуту спустя, откинув ногой пустую бутылку из-под портвейна, которая с грохотом покати-лась по ступеням вниз.

Я затащил наверх раскладушку и натянул на арматурном каркасе большой кусок полиэтиленовой пленки на случай дождя. Анна срывала грозди черешни и стреляла в меня косточками. Я прикручивал край пленки проволокой и мне некогда было уворачиваться. Она хотела что-то сказать и ловила мой взгляд.

– Через несколько дней мужик с сыном уедут, и можешь поселиться в домике. Душ и туалет внизу, кухня на веранде. Газа, правда, нет, так что пользуйся электроплиткой. За все – полдоллара в день.

Я старался не смотреть ей в глаза. Анна же не сводила с меня взгляда и покусывала дужку очков.

– Говоришь, за все – полдоллара? Ну хорошо.

Я спускался по скрипучим ступеням, и в мою спину летела очередь косточек. Так-то лучше, думал я. Все, что с нами было – в далеком прошлом. Не хочу об этом говорить, не хочу вспоминать. Все лишь привиделось в горячем бреде. Прошло, растаяло, как снег, былшем поросло, мхом покрылось. Баста!

* * *

Два дня мы не встречались. Мне стало известно, что Анна нашла себе подружку из пансионата железнодорожников, и они с утра до вечера пропадали на нудистском пляже под Соколом, а когда темнело, спускались на набережную и подолгу шлифовали ее, попутно сворачивая к белым столикам открытых кафе. Я был занят работой, и почти не думал об Анне. Рыбаки засекли косяк кильки и каждый вечер стружали на причал полные бочки слабосоленой рыбы. Отдыхающих было еще мало, и на набережной торговля шла вяло. Зато у Клима не было конкурентов. Он быстро договаривался с рыбаками насчет цены, покупал несколько бочек и переправлял их в Симферополь на московский поезд. Собственно, я и занимался перевозкой бочек из Судака на вокзал. Все остальное делал Клим.

О том, чем заполняет свой досуг Анна, мне регулярно докладывал Клим. Такая роскошная леди не могла остаться незамеченной им. Он мне завидовал и предлагал переселить Анну в его лодочный гараж.

– Послушай, Кирилл, тебе должно быть стыдно, что девушка живет у тебя в таких условиях.

– Она очень любит черешню, – ответил я. – И вообще, она сначала собиралась жить в гамаке на дереве. У многих богатых москвичей бывают причуды.

– Я видел ее с подружкой на "Горке", – докладывал он мне вечером. "Горка" – это открытое кафе на набережной. Сидя за столиком, можно любоваться и крепостью, и коричневыми телесами на пляже. – Ты стремительно теряешь шансы, – продолжал Клим. – По-моему, к ней уже приклеились мужики.

Если бы он знал, какое прошлое связывало нас с Анной!

Я испытывал ее терпение. Конечно, она ждала удобного случая, чтобы поговорить со мной наедине, но меня трудно было поймать в поселке днем и вечером. Лишь однажды, после захода солнца, я встретил ее вместе с подругой Ириной на набережной. Подруга была эффектной девушкой со стрижкой каре, которая очень шла ее загоревшему лицу. Анна представила нас, я раскланялся, спросил, хорошая ли сегодня водичка и, делая вид, что страшно занят, поспешил распрощаться. По утрам же, когда я приходил на дачу кормить кур, Анна еще спала на раскладушке под пленкой, словно парниковый цветок.

Анна, сохраняя чувство собственного достоинства, больше не приходила ко мне домой, и терпеливо ждала удобного случая. Я же делал все возможное, чтобы этот случай никогда не наступил и, появляясь по утрам на даче, делал всю работу быстро и бесшумно.

Но в одно прекрасное утро сын моего постояльца, которого я мысленно называл мальчишом-плохишом, подложил мне свинью. Набрав на берегу камней, он, едва рассвело, организовал охоту на моих кур, и довольно метко обстреливал их, спрятавшись в зарослях виноградника. Когда я появился с ведром размоченного хлеба во дворе, куриный визг достиг своего наивысшего накала и, долетая до моря, наверняка заглушал шум прибоя. Мальчиш-плохиш

ничуть не испугался меня, и даже попытался забросить несколько камней мне в ведро, как в баскетбольное кольцо. Я сунул ребенка под мышку и понес чадо отцу, который все еще крепко спал.

Анна проснулась, что, в общем-то, было неудивительно. Не успел я высыпать корм курам, потерявшим от стресса аппетит, как Анна, подкравшись ко мне со спины, приставила указательный пальчик между моих лопаток на манер пистолета.

– Ку-ку, – сказала она. – Попался?

– Попался, – согласился я, не оборачиваясь и поднимая руки вверх.

Глаза Анна были еще полуприкрыты, волосы спутались, и она вялыми движениями пыталась сплести косичку и закрепить ее на затылке.

– Хозяин, я хочу заплатить тебе за три дня проживания.

– Разве ты уже уезжаешь? – Кажется, в моем голосе предательски прозвучала надежда.

– Об этом даже не мечтай.

– Тогда заплатишь за все дни сразу, – ответил я и пошел к калитке.

– Кирилл! – Она позвала меня уже другим тоном, в котором не было веселых нот, и я, понимая, что разговора, которого так не хотел, все-таки не избежать, остановился и повернулся. – Кирилл, мне нужна твоя помощь, – добавила Анна.

– У меня сейчас очень много работы...

Я откровенно, чуть ли не прямым текстом посылал ее, но Анна уже взяла меня за руку.

– Что с тобой, Кирилл? Ты очень изменился.

– Наверное, это так, Анна.

– Тебе не хочется вспоминать о том, что с нами было?

Я рассматривал ее светлые, цвета утреннего неба глаза. Все, подумал я, сейчас она станет вспоминать сельву, я буду внимательно слушать, потом начну решать ее проблемы, втянусь в них, и прошлое, о котором я начал потихоньку забывать, хлынет на мою башку, как лавина.

– А у тебя здорово обгорели плечи, – сказал я. – Принести кислого молока?

– Не надо, мне Ирина дала детского крема.

– Детским кремом обычно смазывают другое место.

– А ты поправился. Лицо округлилось.

– Да нет, тебе показалось. Просто я ем много соленой кильки, потому что она достается мне бесплатно, и по утрам опухаю.

Я тянул время, но какой в этом был смысл? Если Анна приехала в Судак ради того, чтобы я чем-то ей помог, то обязательно своего добьется.

– Что ты от меня хочешь? – спросил я, опуская пустое ведро на землю и складывая на груди руки.

Она вдруг усмехнулась, коснулась рукой моих плеч, провела по груди, легко постучала костяшками пальцев, как в дверь.

– Броня. Не достучишься, не пробьешь. – Она опустила руку, и лицо ее поскучнело. – Ничего мне от тебя не надо, Кирилл. Корми своих глупых кур и ничего не бойся. Иди-иди, колхозник, тебя заждались!

Она сняла с веревки полотенце, повесила его на шею и пошла в душевую.

Я поднял ведро. Куры, поворачивая головы то в одну, то в другую сторону, с опаской смотрели на меня.

Есть одна неоспоримая истина, подумал я, и заключается она в том, что ты, Кирилл Андреевич, превратился в трусливое, жалкое созданище, и место твое, в самом деле, в курятнике.

2

Она, наверное, решила поиздеваться надо мной.

– Алло! – раздраженным голосом кричал я в трубку, третий раз подряд реагируя на звонок. На другом конце провода опять молчали, я слышал лишь частое дыхание, нечто похожее на приглушенный голос, затем связь обрывалась короткими гудками. В четвертый раз, подняв трубку, не церемонясь, я сказал громко и вразумительно:

– Иди в зад!

Ударил пальцем по клавишам, положил трубку на стол. Теперь пусть названивает, сколько душе угодно.

Семь утра. Для отдыхающих, конечно, это время завтрака и выхода к морю. Для меня, если я не занят перевозкой рыбы в Симферополь, это время самого крепкого сна. Но после идиотских звонков диван со смятой постелью уже не казался привлекательным. Меня трудно вывести из себя, но если это все-таки удастся, я изменяю даже железным правилам.

Выпил стакан кефира, кинул в свой пронзительно-оранжевый рюкзак с вышитыми на клапане инициалами "В.К.А." моток пестрой альпинистской веревки, похожей по окраске на южноамериканскую болотную гадюку, дюжину титановых карабинов, мешочек с крючьями, канифоль, скальный молоток, взвалил рюкзак на плечи и вышел из квартиры.

Каждый сезон под Соколом или же в ложбине на Караул-Обе останавливались лагерем альпинисты. Там вполне приличные скальные стенки. Как только я замечал у нас в Уютном приезжих с тяжелыми бухтами веревок на плечах, со связками карабинов и крючьев на поясе, так сразу же вытаскивал из-под дивана свое скромное снаряжение для скалолазания и шел знакомиться. Обычно приезжали одни и те же люди, и я встречал старых знакомых.

Чтобы случайно не встретиться с Анной, я пошел не по шоссе, а краем поселка по холмам, серо-коричневым застывшим волнам, изредка поросшим можжевельным деревом, низкорослым, с извивающимся крепким стволом и ветвями, напоминающими женскую прическу – "химию". От быстрой ходьбы у меня немного заныла печень. Тропическая малярия, которую я подхватил в сельве, привела в замешательство врачей нашей местной больницы. Врачи собрали консилиум и очень долго не могли решить, что со мной делать – я оказался первым пациентом в истории больницы с этим диагнозом. Иногда еще побаливала спина – в том месте, куда мне всадили пулю из винтовки М-16 американского производства. Но об этом я не очень люблю вспоминать. Во-первых, потому что меня лечили в Ла-пасском госпитале за счет российского консульства, а оставаться вечным должником не в моих правилах. А во-вторых, потому что меня, истекающего кровью, вывезла с плантации Анна. Я был без сознания, и об этой истории мог судить только с ее слов. Слишком много в этой истории было натяжек, чтобы я полностью верил Анне.

Солнце припекало уже достаточно сильно, и черная майка на груди промокла от пота насквозь. Я поднимался по сухому руслу к шоссе, изредка спугивая крупнозрых бежевых зайцев, которых здесь водилось великое множество. Залитая лучами солнца гора Сокол, со своей скошенной вершиной, северная сторона которой была покрыта плотными зарослями, уже стояла перед моими глазами. Я дважды взбирался на нее по южной стене, а это почти четыреста метров абсолютно гладкой и отвесной поверхности. Ощущения неповторимые. Говорят, какой-то скалолаз-любитель поднялся по этой стене без страховки, на одних пальцах. К сожалению, я не был свидетелем этого аттракциона.

Я вышел на шоссе, сел на бетонный бордюр передохнуть. Поселок лежал перед моими глазами, и я сразу нашел желтую коробку своего дома, черную трубу котельной, обеспечивающей пансионат львовских железнодорожников теплой водой, и рядом с ней – край белого домика с плоской крышей, хорошо замаскированной виноградником. Это моя, так сказать,

дача. Сюда бы мощный бинокль с восьмидесятикратным увеличением, я бы раскусил Анну в два счета.

С этой симпатичной феминисткой мы познакомились полтора года назад в самолете, летящим в Боливию. Мы оказались в одной туристской группе, правда, Анна летела развлекаться на карнавалах, а у меня были несколько иные цели. Потом она поссорилась со своим дружкой Гошей, которого я окрестил колорадским жуком и, дабы отомстить ему, оставила группу и увязалась со мной. Я не рассказывал ей всего о Валери, и Анна, как и следовало ожидать, мое странное поведение списала на любовь. Мы потеряли друг друга почти на полгода. Я думал, что Анна вернулась с группой туристов в Россию, и, увлеченный охотой на главного наркодела Приамазонии Волка Августино и ее дочери Валери, совсем забыл о ней.

Тогда я был уверен, что в смерти моего друга Бориса виновата Валери – ее почерком была подписана бандероль на его имя, в которой оказалось взрывное устройство, и я шел к Валери, чтобы привести свой приговор в исполнение. Я ворвался в ее прекрасную комнату ранним утром, когда она только встала и принимала душ, и нетвердой рукой связал петлю. Тогда я думал, что мои чувства к ней навсегда угасли...

Мимо меня, дребезжа разбитыми дверцами, оставляя за собой шлейф омерзительного выхлопа, проехал желтый "Москвич". Мне посигналили. Я поднял голову и увидел сверкающую улыбку, гладко зачесанные на затылок волосы на голове водителя. Это Клим. Недавно он близко познакомился с заместителем главного инженера Новосветского завода шампанских вин и теперь закупает коллекционное шампанское по заводской цене, перепродавая его иностранцам за валюту.

Я думал, что Клим проедет мимо, но он, несмотря на то, что еще не въехал на крутой подъем, остановил машину, которая стала напоминать муху, прилепившуюся к стене, высунулся в окошко и махнул мне.

– Куда это ты собрался? – спросил он, кивая на рюкзак.

– Нервишки лечить, – ответил я. Объяснять Климу ничего не надо было, он все знал о моих увлечениях.

– Нервишки лечить, черепушку ломать. – Он кивнул на сидение рядом: – Садись, снежный барс, покатаю. Тебе под Сокол?

Я не заставил себя долго упрасивать, тем более, что Клим очень оживился, встретив меня. Я не ошибся – ему хотелось поговорить об Анне.

– Ну, отвечай, – сказал он, со второй попытки трогаясь с места. – Надумал или нет?

– О чем ты? – Я сделал вид, что не понял его, высунулся из окошка, подставляя лицо горячему ветру.

– Ты знаешь о ком, – поправил он меня. – Сколько она тебе платит за крышу?

– Десять баксов в сутки.

Клим недоверчиво покосился на меня.

– Причем, уплатила за месяц вперед, – продолжал я. – Так что, гони триста долларов и забирай Анну к себе.

Клим покачал головой.

– Она что, сумасшедшая?

– Ей надоел комфорт, она сыта им по горло. Уютными гостиничными номерами ее не удивишь. А вот на крыше под зарослями винограда и черешни... Притормози, я тут сойду.

Мы съехали на обочину.

– Я тебе вот что хочу сказать. – Он тарабанил пальцами по рулевому колесу и хитро смотрел на меня. – Ты проворонишь девушку. В итоге – ни себе, ни другим.

– Это исключено... Подай, пожалуйста, рюкзак.

– Кирилл, ты, как всегда, излишне самоуверен. Мне тебя жалко. Возьми свой дурацкий рюкзак и ползи на гору – это занятие как раз для тебя, потому что не требует больших умственных затрат.

Он даже не пытался сдержать в себе злость. Нормальный мужик, а из-за бабы стал сам не свой. Я разве мешаю ему ухаживать за Анной?

– Пока ты хлопал ушами, ее уже приласкал какой-то тип, – добавил он.

Если бы Анна была обычной приезжей, каких сотни в поселке, то на это замечание можно было никак не реагировать. Я насторожился, и Клим с удовольствием заметил это.

– Что? Сlopал? На "Вольво", между прочим, каталась.

– На какой еще "Вольво"?

– На темно-синей. Ладно, чао! Думай, Кирилл, и принимай решительные меры, пока не поздно.

Он ударил ногой по акселератору, машина взревела, отравляя заповедную экологию, и скрылась за уступом скалы. Я смотрел на сизое облачко, оставшееся от машины, и зачем-то подтягивал и ослаблял лямки рюкзака. На Анну это совсем не похоже, думал я. Вряд ли она начала здесь флиртовать, позволяя незнакомому мужчине катать себя на автомобиле. И Клим, похоже, не врет. Не нравится мне все это.

Я старался не думать о ней, но не так-то просто было совладать с самим собой. Уже пробравшись через реликтовые заросли к палаточному городку, я все еще нес на лице выражение рассеянности и озабоченности, и Князев, радиоинженер из Питера, с которым я был знаком уже без малого четыре года, пожав мне руку, вопросительно вскинул брови. Мне нечего было ему ответить, и я спросил первое, что взбрело мне в голову:

– А где Григорий?

Князев, всегда отличающийся стойким немногословием, молча кивнул на стену. Я задрал голову и не сразу разглядел на огромной высоте подвешенный на крючьях гамак с человеком. Напарник Князева по скалолазанию, его бессменный партнер, водитель городского автобуса Гриша, очевидно, провел ночь на стене, приковав себя страховочными крючьями.

Князев тронул меня за плечо и протянул мне бинокль. Я сел между палаткой и мерно гудящим примусом и стал рассматривать стену. Гриша, кажется, уже не спал, ворочался с боку на бок, а потом я разглядел, что он снимает петли гамака с карабинов и сворачивает его. Белая сетка, свернутая в рулон, вдруг полетела вниз, и я от неожиданности вздрогнул, и где-то в животе образовалась холодная пустота. Я досчитал до двенадцати, пока гамак не шлепнулся на камень, откуда съехал к подножью горы.

Князев закрыл мне весь обзор, встав передо мной и протягивая пластмассовую чашку с кофе. Зашипела, запищала портативная радиостанция у него на поясе. Он прижал ее к щеке:

– Да.

Шчч-щщч-чиуу-шшш, – ответила радиостанция.

– Хорошо, – сказал Князев, почесал короткую бородку, посмотрел на меня и кивнул на стену. Я уже научился понимать его без слов.

– Да, сейчас пойдем, – ответил я. – Хочешь первым?

С Князевым я уже несколько раз ходил в одной связке. Тактика восхождения у него была своеобразной: он поднимался на скалы не прямо, "в лоб", а широкими зигзагами, что требовало большого количества веревки, зато он всегда был спокоен, не поторапливал, не учил и не давал советов, что мне очень нравилось в нем.

Пока я готовил страховочную обвязку, мимоходом подумал о том, что в нашем поселке ни темно-синей, ни какой либо другой "Вольво" ни у кого нет, а это значит, что Анну "приласкал", как выразился Клим, чужой. Тот факт, что Анна проехала с кем-то на авто, сам по себе ни о чем не говорил. Но вероятность того, что какой-то крутой мужик зарулил к нам в поселок с целью познакомиться с девушкой, нашел ее на крыше под пленкой от дождя и повез

кататься, показалась ничтожной. Видимо, она встречалась со знакомым и, думаю, эта встреча носила деловой характер.

Князев воспользовался двумя веревками, которые Гриша закрепил на стене и сбросил концы вниз. Он поднимался при помощи зажима, который скользил по веревке только вверх – удобно, как по ступеням. Я ждал, когда он поднимется на достаточную высоту и забьет первый крюк, который будет страховать меня.

Князев свистнул сверху и кивнул головой. Я даже не заметил, как он забил крюк и навесил на него мою веревку. Я ухватился руками за ствол карликовой сосны, которая каким-то чудом выросла на голых камнях, отыскал ногой уступ и сделал первый шаг к вершине. Теперь на стене одновременно работали три человека.

... Это была наша последняя встреча с Валери. Она не умоляла меня пощадить ее, не клялась в вечной любви – все это, наверное, не вызвало бы во мне никаких сентиментальных чувств. Я привязал к карнизному крюку веревку, связал петлю и, подергав, проверил на прочность – точно так же, как и здесь, на Соколе, проверил надежность страховки. Тогда меня поразила ее выдержка. Она смотрела на меня глазами, полными любви, и говорила о дочери, нашей с ней дочери, родившейся на вилле отца. Я обезумел от непреодолимого желания немедленно увидеть девочку и, едва не выломав собою дверь, побежал к выходу. Анна, дожидавшаяся меня в холле, ничего не поняла из моего путанного объяснения, и побежала за мной следом, тщетно пытаясь предупредить меня об опасности. Когда мы сели в машину, со второго этажа коттеджа, где помимо других находилась и комната Валери, грянул выстрел. Пуля со смещенным центром тяжести разворотила мне спину и едва не задела сердце. Анна сумела довести меня еще живого до небольшого боливийского поселка, откуда санитарным вертолетом меня доставили в ла-пасский госпиталь. Я потерял сознание сразу же, как получил ранение, и до сих пор не понимал, как удалось Анне прорваться через многочисленные посты охраны. Впрочем, она сама не могла толком объяснить это, утверждая, что на нашем пути не оказалось ни одного вооруженного человека.

Не известно мне до сих пор, кто стрелял – Валери или же кто-то из ее телохранителей, и в равной мере мог предположить оба варианта: Валери умеет обращаться с оружием не хуже стрелка-профессионала...

Князев снова свистнул, на этот раз уже снизу. Увлечшись воспоминаниями, я не заметил, как взобрался выше его. Он постучал пальцем по голове, затем – по стене, что означало: включи мозги и забей крюк. Он был прав, стоило позаботиться о своей безопасности.

Несколькими сильными ударами, до "малинового" звона, я вогнал стальной лепесток в тонкую щель, навесил карабин, пропустил через него веревку и закрутил муфту. Солнце жарило уже изо всех сил, и я навису стащил с себя майку, бросил ее вниз, наблюдая, как она, судорожно трепеща короткими рукавами, будто пыталась взлететь, падала на можжевельниковый куст, похожий на зеленого ежа. Стало немного легче: влажное от пота тело обласкал прохладный морской ветерок. Я поднял голову и посмотрел на Гришу. Из-под его кроссовок сыпался щебень. Прижавшись всем телом к скале, он медленно поднимался к козырьку. Князев страховал его, выбирая веревку.

Несколько минут я мог отдохнуть. Опершись ногами в стену, я покачивался из стороны в сторону, глядя по сторонам. По серой витиеватой ленте новосветского шоссе скользил красный рейсовый автобус. Казалось, он едва движется, хотя я прекрасно знал, что водила лихачит, вписывается в крутые повороты на большой скорости, и пассажиры визжат от страха и восторга. Ниже дороги, среди россыпи камней, многие из которых были размером с дачный домик, можно было разглядеть розовые черточки и запятые – уже заняли позиции любители дикого пляжа. Дальше, за Новым Светом, в теплой дымке, темнел мыс Капчик, напоминающий дельфина или кита, выброшенного на мелководье, за ним – Царский пляж с изумрудной бухтой, где вода удивительной чистоты, и где мы с Климом как-то двумя подводными

ружьями за час набили дюжину молодых камбал; увенчанная каменными столбами-сфинксами гора Караул-Оба, ярко-желтая в солнечных лучах, будто покрытая, как церковный купол, сусальным золотом; треугольный мыс Ай-Фока с отвесными и рыхлыми стенами и вечным камнепадом; и дальше, до самой Алупшты – кажущиеся голубыми и призрачными в теплом воздухе горы, скалы, обрамляющие маленькие бухты и заливы.

Снизу до меня долетел пронзительный вой. Я опустил голову, глядя между ног на шоссе. На обгон автобуса стремительно шла легковая машина. Не притормаживая, она входила в виражи, свистела шинами и, не переставая, подавала сигнал. Автобус, тем не менее, скорости не снижал, продолжая занимать середину полосы. Я не слишком хорошо разбираюсь в марках автомашин, потому как своего авто у меня никогда не было и вряд ли когда будет, но "Вольво" я распознал сразу. Темно-синяя "Вольво", кажущаяся с высоты лакированной моделью, выполненной в мелких деталях. Я открыл рот, наблюдая за гонкой. Сверху что-то прокричал Гриша, но я не мог оторвать взгляда от шоссе. На очередном повороте автобус прижался левым бортом к белому оградительному бордюру, и в это мгновение "Вольво" пошла на обгон, срезая поворот по встречной полосе, легко взлетела на подъем, завизжала шинами об асфальт и, победно сигналив, помчалась впереди автобуса. Я провожал машину до тех пор, пока у самого Нового Света она не нырнула вниз.

– Ты что, уснул? – орал Гриша.

Только теперь я поднял голову. Флегматичный Князев лужгал семечки и сочувственно смотрел на меня. Пришла моя очередь идти вверх, а Князева и Гриши – страховать. Я машинально ухватился руками за крохотный выступ, повис на одних пальцах, все еще прокручивая в голове только что увиденную картину. Гриша продолжал орать сверху, кажется, он давал мне какие-то советы, но я думал о своем. Жаль, что нельзя было рассмотреть водителя "Вольво". Куда он поехал? В Новом Свете дорога заканчивается, оттуда никуда не уедешь, кроме как назад, в Судак.

Я еще раз убедился в истинности правила: альпинизм не терпит совмещения. Или – или. Нога неожиданно сорвалась с опоры, я почувствовал в животе пустоту, в ушах засвистел ветер, и я, расставив в стороны руки, полетел вниз. Уже через секунду веревка натянулась, меня как следует тряхнуло, и полет прекратился.

Я снова поднял голову вверх. На меня смотрели две пары глаз.

– Все в порядке, до земли не дотянул! – идиотски-счастливым голосом сказал я.

Князев сплюнул и зевнул. Гриша, будучи человеком излишне эмоциональным, обложил меня матом. Следующие четверть часа я целиком посвятил себя альпинизму и довольно ловко поднялся на один уровень с Гришей. Коренастый, смуглый, покрытый на груди и плечах черными волосками, обвязанный веревками, он напоминал паука, и это сравнение, неожиданное пришедшее в голову, вызвало у меня приступ хохота. Гриша нахмурился, догадываясь, что стал объектом моего веселья, и смотрел на меня исподлобья, пока я содрогался, ударяясь коленями о стену, и вытирал со щек слезы.

В обратную сторону "Вольво" не проехала. Вся пятикилометровая трасса между поселком и Новым Светом была у меня перед глазами, и пропустить машину я не мог.

К полудню мы поднялись на вершину, посидели на ржавой геодезической треноге, любуясь открывшейся панорамой. К голубой поверхности моря приклеились белые треугольники яхт. При большом желании можно было разглядеть прогулочные катамараны и моторные лодки, которые, подобно кометам, оставляли за собой конусовидный след. Странно, но даже на такой высоте мы отчетливо слышали рокот моторов, мерный шум прибоя и даже визг детей на пляже. Гриша, вытирая коричневую лысину платком, начал что-то бормотать о ледяном шампанском и стал готовиться к спуску. Он пропустил веревку через витиеватую стальную "улитку", встал к обрыву спиной, крикнул "Бляха муха!" и, отталкиваясь ногами от стены, заскользил вниз. Князев посмотрел на меня из-под полуприкрытых век и слегка склонил

голову, как бы одобряя мое желание последовать за Гришей, хотя я не слишком торопился покинуть вершину.

Спускаться с Сокола на веревке, регулируя скорость скольжения – одно удовольствие. В отличие от Гриши, который семенил по стене, я делал огромные прыжки, сильно отталкиваясь обеими ногами и пролетая по десять-пятнадцать метров. Конечно, при таком способе я не был застрахован от удара о какой-нибудь выступ, но ни с чем не сравнимое ощущение полета стоило того, чтобы немного рискнуть.

3

Больше всего на свете я не люблю мух и ранние телефонные звонки. Крылатые насекомые выводят меня из себя по причине своей наглости и неуязвимости, а ранние звонки обычно прерывают мой сон в самый сладкий момент.

Пять часов утра! Я даже застонал от обиды, зарылся головой под подушку, но телефонный звонок достал меня и там. Можете хоть удавиться на телефонном проводе, но трубку не возьму, подумал я, продолжая лежать с закрытыми глазами. Прошла минута, мои нервы уже гудели, как ЛЭП, а телефон все надрывался, и казалось, что звон, как тонкое сверло, буравит мне череп.

Второй минуты я не вынес и, опрокидывая на ходу стулья, кинулся к телефону, схватил трубку и, едва ли не заглатывая микрофон, прохрипел:

– Ну вот я, вот я! Слушаю очень и очень внимательно!

Треск, шорох, дыхание.

– Пожалуйста, еще раз! – сквозь зубы процедил я. – Если вы нечаянно проглотили свой язык, тогда можете что-нибудь промычать или прохрюкать, я постараюсь понять.

Эта Анна, подумал я, ужасно неприятная девушка. Дура, змея, хитрая и мстительная бестия.

Я мысленно обозвал ее непечатными словами.

– Все? Поговорили? Вы счастливы теперь? Блеск остроумия, нечего сказать...

Мне показалось, что в трубке раздался звук, напоминающий скрип двери, и тотчас побежали короткие гудки.

Я швырнул трубку на аппарат, но, вместо того чтобы упасть на диван и попытаться уснуть, стал быстро натягивать на себя джинсы. Дура-змея-хитрая бестия больше полугода, пока я в поисках Валери шатался по сельве, работала в паре с Альфредом Шраером, одним из туристов нашей группы, оказавшимся впоследствии шавкой, состоящей на службе у наркомафии. Если верить Анне, никто из охраны Августино даже не заподозрил, что она всего лишь мастерски шпионит, чтобы в нужный момент спасти меня. Если даже латиноамериканские гринперос¹, преуспевающие в наркобизнесе и контрабанде золота, не раскусили ее, то можно представить, сколько лицемерия, фальши, игры и коварства заложено в душе у этой миловидной девы, живущей на крыше моей дачи.

Майку я уже натянул на ходу и в домашних тапочках выскочил из квартиры. В такой ранний час на улицах не бывает ни машин, ни отдыхающих, и я, сняв тапочки, побежал босиком по прохладному асфальту. По Приморской до поворота, затем вниз, мимо санатория министерства внутренних дел, пансионата железнодорожников и, не добегая до реликтового леса, налево, в сторону моря, к Портовой башне Генуэзской крепости.

Калитка оказалась запертой на шпингалет, я громко клацнул им, как автоматным затвором, но был уверен, что никого не разбужу этим звуком – мужчина с сыном вчера съехали.

Я поднялся по деревянной лестнице на крышу лишь для очистки совести. Естественно, Анны там не было. На раскладушке лежало скомканное одеяло, примятая подушка с золотой нитью ее волоса, скрученной спиралью. На стопке кирпичей – маленькое зеркальце, расческа, пухлая косметичка, пачка сигарет и банка с торчащими из нее увядшими цветами. Под раскладушкой – зеленая сумка, резиновые тапочки. Я поднял голову и сквозь пленку увидел развешанные для просушки купальник и, пардон, некоторые детали женского туалета.

¹ Так в Южной Америке называют золотоискателей, которые самовольно захватывают земельные участки в Приамазонских джунглях, намаывают золотой песок, а также разбивают плантации, на которых выращивают коку.

Я вздохнул, мне стало стыдно за этот невольный обыск и, опасаясь, что Анна вот-вот нагрянет, быстро спустился во дворик и сел за стол.

Ближайший телефон-автомат – на территории санатория. Следующий – на набережной, у пивбара, но он уже год как не работает. Анна, даже если будет возвращаться очень медленно, уже должна причаливать к калитке. Я еще не знал, что скажу ей, но разговор у нас, по всей видимости, будет не очень приятным. Ей нужна моя помощь. Что именно она хочет?

Я прикидывал варианты, но мой мозг не мог придумать ничего более или менее правдоподобного. Это связано с сельвой? А кто из нас первым заговорил о ней? Кажется, это сделала Анна, она спросила: "Тебе не хочется вспоминать о том, что было в сельве?"

Значит, она намерена просить не о каком-то пустячном одолжении, вроде: "Поухаживай за моей подругой" или "Когда ко мне снова подкатит тот тип на "Вольво", сделай вид, что ты мой муж." Она хочет, чтобы я снова ухватился за нити, концы которых до сих пор не обрублены, и потянул на себя жуткий клубок, в котором сплетены наркотики, бесчисленные убийства, моя дочь и мои чувства к Валери. А этого, как ни стыдно признаться, я боялся больше всего. Но не животное чувство страха за свою жизнь владело мною, а желание как можно дольше сохранить это зыбкое ощущение покоя и равновесия.

Я невольно глянул на часы. Даже если бы Анна продвигалась от телефона-автомата ползком, то уже давно была бы здесь. Возможно, она решила искупаться перед завтраком.

Было бы глупо ждать и, тем более, отыскивать Анну на пляже. Злость, которая вытолкнула меня из квартиры, улеглась. Собственно, я выяснил, что звонит по утрам действительно Анна, и делает она это, по-видимому, из хулиганских побуждений, чтобы досадить мне и таким глупым способом отомстить за нежелание помочь ей.

Я вернулся домой. Открывая дверь, услышал, как трезвонит в комнате телефон. Богатый сегодня день на звонки, подумал я, и если это опять Анна, то придется высказать ей все, что я о ней думаю. Поднял трубку, но не стал первым что-либо говорить, и лишь молча слушал тишину. Анна – а я был уверен, что это она – тоже молчала. Я слышал тихое дыхание, шорох, словно трубку переключали из руки в руку.

И вдруг, совершенно неожиданно – осторожный мужской голос:

– Алло?..

Я настолько опешил, что не знал, что сказать.

– Вы меня слышите?

Голос показался мне незнакомым. Я кашлянул и, наконец, ответил:

– Да-да, слушаю.

– Простите, а с кем я говорю? – спросил голос.

Ненавижу подобные вопросы, когда мне звонят и тут же выясняют, кто поднял трубку.

– С автоответчиком, – ответил я. – А хозяин квартиры спит. А с кем имею честь...

– Я ваш доброжелатель, – ответил голос. – Простите, что потревожил вас в такое время, мне трудно было найти подходящий аппарат, так что приходится звонить с этого... Словом, Вацура, я хотел бы вас кое о чем предупредить.

Я молчал. Таким тоном – спокойным, обыденным – не шутят.

– Вы меня слышите?

– Да.

– Вас хотят по крупному подставить. Будьте осторожны в эти дни. Обеспечьте себе железное алиби.

– Я не понял! – Морщась, я зачем-то шарил рукой по столу в поисках ручки и бумаги. – Кто меня хочет подставить? О каком алиби вы говорите?

– Я вам сказал то, что знаю.

– Кто вы?

– Все, разговор закончен. Здесь посторонние.

Я мельком глянул на дверь, ведущую в коридор, словно она была единственным препятствием.

– Прошу вас, не кладите трубку! – крикнул я. – Всего секунду! Я должен сказать что-то очень важное и для вас...

Не уверен, что эта фраза, претендующая на скрытую тайну, заставила бы незнакомца простоять у телефона еще несколько минут, но я, кинув трубку на стол, пулей выскочил из квартиры, слетел по лестнице вниз и помчался по Приморской к санаторию, где при входе в бювет находился единственный в округе работающий телефон.

Я тебя достану, бормотал я, разрывая грудью встречный морской ветерок, я из тебя всю душу вытрясу, ты мне все расскажешь.

У меня был небольшой шанс отыскать незнакомца. В том, что это человек приезжий – я почти не сомневался. Мои знакомые, имеющие домашние телефоны, вряд ли говорили бы в столь таинственной форме. А приезжему неоткуда позвонить, кроме как из санаторного автомата.

Бегаю я неплохо, но минуты полторы все же прошло, пока добежал до центрального входа в санаторий. Там перешел на шаг, глядя во все стороны, но санаторная аллея, разделенная строем пальм и обрамленная пышными клумбами с белыми розами, в этот час была безлюдной – у отдыхающих время пробуждения.

Как ни странно, но у телефона стоял человек. Это была молодая женщина в ядовито-желтом сарафане на тонких бретельках. Трубку она держала так, словно пыталась согреть микрофон своим дыханием, и произносила, преимущественно, только вопросы:

– Да шо ты говоришь? Да ты шо? Батюшки! Да ты шо?

Не снижая темпа я подошел к ней и прервал ее разговор, ударив рукой по рычагу. Женщина, все еще не отпуская трубку, отшатнулась от меня, но телефонный провод не позволил ей уйти слишком далеко.

– Я прошу прощения, – сказал я, вытирая со лба пот. – Дело особой важности. Вы должны мне помочь. Только что отсюда звонил мужчина. Вы видели его? Где он? В какую сторону он пошел?

Я полагаю, что в санатории МВД к такой манере общения должны относиться как к норме. Испуг на лице женщины сменился выражением любопытства. Она сразу же забыла про трубку, которую я осторожно извлек из ее руки и повесил на рычаг, и, повернувшись, махнула рукой в сторону моря.

– По аллее. К кортам. Ну, где корпуса.

Я ей не вовремя понравился. Может быть, она приняла меня за отважного оперативного работника, и ее глупая мордашка засветилась улыбкой. Она уже не думала о незнакомце.

– Точнее! – потребовал я. – В какой корпус он пошел?

Она снова повернулась, пожала плечами.

– Да я откуда знаю? Я не смотрела долго.

– А как он был одет?

– В трусы. Ну, в трусах, таких, красных, спортивных. Для бега. Он каждое утро бежит по той дороге вверх и обратно.

– Что, кроме трусов на нем больше ничего не было?

– Ничего. Ну, кроссовки, конечно, были, а здесь, – она показала на грудь, – все голое. А вы его разыскиваете, да?

– Об этом пока никому ни слова. Ясно? – Я улыбнулся и подмигнул ей.

– А вы мне даже договорить не дали! – Женщина вспомнила о телефоне и сняла трубку с рычага. – И жетона у меня больше нет.

Я порылся в карманах джинсов, хотя знал, что телефонных жетонов у меня из-за ненадобности никогда не было. Я развел руками в стороны.

– Можете позвонить из моего дома.

– А вы здесь живете?

– В четырехэтажке. Где продуктовый магазин. – Я смотрел в ту сторону, куда, по словам женщины, ушел мужчина, звонивший мне. – А вы случайно не слышали, о чем он говорил?

– Кто?

– Ну этот, в красных трусах.

– Он? – Женщина отставила вперед одну ножку, чмокнула губами, заморгала, закатила глазки вверх. Она начинала кокетничать, а когда женщина старается понравиться, то все ее мысли заняты только собой. – Вы знаете, я не разобрала. Он говорил тихо. И, знаете, мне он тоже показался подозрительным.

– И что в нем было подозрительного?

– Ну, он так бесцеремонно на меня смотрел! Таким, знаете, взглядом, будто раздевал. У меня аж мурашки по коже забегали. И еще он сказал – ну, не мне, конечно, а тому, кто в телефоне – здесь, говорит, посторонние подслушивают.

Это точно он, подумал я.

– И вы заметили, что он каждое утро бежит по этой дороге?

– Каждое, – кивнула женщина. – Я встаю рано и, знаете, на балконе загораю. Так, по современному, без купальника. Но нет, он меня ни разу не заметил. Глаза – в асфальт, и как конь – на гору. А потом с горы. Я за ним давно наблюдаю, как приехала сюда.

– А в каком он корпусе живет?

– Нет, не знаю.

– Может быть, знаете, за каким столом сидит в столовой?

– В нашей смене его нет. А может, он вообще не из санатория.

Дамочка надеялась на развитие отношений. Я сам предложил ей воспользоваться моим телефоном и ретироваться было уже поздно. Вынул из кармана ключи, протянул ей.

– Дом третий, первый подъезд, квартира четвертая. Звоните, сколько вам надо. А я должен осмотреть парк.

Румянец залил ее щеки. Что она подумала обо мне – не берусь судить, но ее доверчивость к незнакомому мужчине была на уровне безразличия.

Я спустился по дорожке мимо теннисного корта и открытой танцплощадки к корпусам, раздумывая над тем, что сказал мне по телефону незнакомец. У меня были все основания относиться к его предупреждению достаточно серьезно, тем более, что он назвал меня по фамилии. Моя недавняя жизнь была настолько тесно связана с криминальными элементами, как говорят юристы, что было бы верхом легкомыслия относиться к анонимному звонку как к розыгрышу или ошибке.

Внезапно я остановился, будто налетел на дерево. Стоп, дружище! Так если это звонила не Анна, то где же она могла быть в пять часов утра?

Я добрал до пляжа, поднялся на первый ярус солярия, осмотрел топчаны, уже частично занятые отдыхающими, и пошел обратно. Не нравится мне все это, думал я. Анна со своими намеками, какой-то ухажер на "Вольво", анонимный звонок и предупреждение об опасности.

По мосту я перешел к Портовой башне и свернул на улочку, где находилась моя дача. Ничего не напишешь, думал я, придется объясниться с Анной. Пусть выкладывает, что ей от меня надо.

Второй раз за сегодняшнее утро я отворил калитку дачи и вошел во двор.

– Ку-ку! – громко произнес я любимое приветствие Анны и стукнул кулаком по лестнице. На голову посыпалась какая-то труха и прошлогодние листья.

Домик по-прежнему был закрыт на замок, и на крыше – никого. Анна, похоже, так и не появлялась здесь. Вот так фокус, пробормотал я, заглядывая на всякий случай в палисадник. Голодные куры смотрели на меня из-за провололочной решетки.

Несколько минут я вышагивал по дворику, как арестант на прогулке. Ни одной умной мысли не приходило в голову, несмотря на то, что я обеими руками заталкивал в рот спелую черешню, содержащую, насколько мне известно, глюкозу и прочие вещества, активизирующие работу мозга.

Надо разыскивать этого козла в красных трусах, думал я, плюясь косточками во все стороны. Возможно, он же и есть водитель "Вольво". Предположим, что Анна, потеряв надежду втянуть меня в свои проблемы, попросила своего ухажера припугнуть меня по телефону, что он, после утренней пробежки, и сделал... М-да, бред сивой кобылы.

Я поморщился, так как только что придуманная версия показалась ужасно примитивной, и стрельнул косточкой в петуха, который уж слишком высокомерно смотрел на меня.

Интересно, а где она ночует? – продолжал я умственные упражнения. С ним, в одном из номеров санатория? Зачем тогда надо было затевать весь этот спектакль с крышей и раскладушкой?

Я вспомнил ее золотистый волос на примятой подушке. Один раз, как минимум, она все же спала на крыше. Собственно, в этом не было ничего удивительного. Удивительным было то, что Анна, раз она живет с ухажером в санатории, не взяла с собой косметичку – такие вещи девушки ее типа держат всегда с собой.

Скоро я понял, что лучше не забивать голову наспех сделанными выводами, открыл дверь домика, нашел на кухне огрызок карандаша и на календарном листке написал Анне записку: "Как вернешься – немедленно разыщи меня. Кирилл." Затем я тут же разорвал записку на клочки и кинул в мусорное ведро.

Крым не знал человека, глупее меня! Ну если Анна нарочно скрылась из поля моего зрения, если она не желает встречаться со мной, то какого черта она станет срочно разыскивать меня?

Я подогрел воды и приготовил кофе. Чем сильнее разгорался день, тем все большее волнение охватывало меня. Я уже глубоко порочный человек, думал я, помешивая столовой ложкой в железной кружке – другой посуды на даче не водилось. Я не способен воспринимать ситуацию так, как это сделал бы нормальный человек. Если в курортном поселке, у моря, пропадает девушка, то в первую очередь предполагают (не дай Бог, конечно!), что она утонула, получила травму на прибрежных камнях, или же перегрелась на солнце и попала в больницу. А о чем подумал я?

4

Ирину разыскать было непросто, потому что я видел ее всего пару раз, причем одетой. На диком пляже народ же загорал и купался, преимущественно, в костюмах Адама и Евы. Если бы я знал, где она сняла комнату, то подождал бы до вечера, но дикий пляж оставался единственным местом, где я мог наверняка разыскать ее.

Я привлекал внимание обитателей пляжа громким хрустом, который издавала галька, мне было неловко, потому что приходилось плясать на обнаженные натуры, в то время как истинный джентльмен непременно бы отвернулся. Впрочем, некоторым экзальтированным от свободы дамам, рядом с которыми не было мужчин, нравилось мое любопытство, и они, медленными и ленивыми движениями, будто пытаясь прикрыть наготу, демонстрировали свое тело. Я старался смотреть только на лица, хотя, скажу откровенно, делать это было весьма не легко.

Мне пришлось дважды обойти пляж, переступая через полотенца и панамы, пока понял, что Ирины здесь нет. Конечно, можно было бы осмотреть берег повнимательнее, но здесь это выглядело бы как грубое покушение на общечеловеческую нравственность, и я не стал усердствовать, тем более, что шел уже одиннадцатый час, и солнце при полном штиле жарило особенно сильно.

Не комплексуя по поводу того, что на мне, в отличие от других обитателей дикого пляжа, были плавки, я быстро скинул джинсы и майку и бросился в воду. Для купания этот пляж, откровенно говоря, был мало пригоден. Глубины у берега нет, повсюду, как кочки на болоте, раскиданы булыжники, о которые, если не соблюдать осторожность, можно повредить голову. Поэтому первые двадцать-тридцать метров я не плыл, а полз между камней, на ощупь отыскивая фарватер.

На глубине я несколько раз нырнул, доставая до дна и хватая первые попавшиеся под руку камни и ракушки, потом полежал на поверхности воды, глядя, как надо мной, на мгновение заслоняя крыльями солнце, планирует в небесной лазури чайка. Поочередно взмахивая руками, я поплыл вдоль берега. Чайка, видимо принимая меня за крупную рыбу, не отрывалась, парила надо мной, рассматривая меня то одним, то другим глазом, потом вдруг сделала "горку", перевернулась вниз головой и спикировала на меня. Я уже был готов получить удар в голову клювом, как птица опомнилась, сообразив, что вряд ли сможет вытащить меня из воды, пронеслась, как мне показалось, в нескольких сантиметрах от моего лица, мощно взмахнула крыльями и снова воспарила вверх.

– Эй-ей! Осторожнее! – крикнул кто-то над самым моим ухом.

От неожиданности я глотнул воды, перевернулся, и только тогда увидел, что едва не тарашил головой надувной матрац, на котором лежала типично одетая для этих мест девушка в темных очках, с прической каре и золотым крестиком на цепочке. Я тотчас узнал ее. Ирина!

– Это вы? – на выдохе спросила она, не зная, какую часть тела прикрыть, и съехала с матраца в воду. – Приветик. Я не ожидала вас здесь увидеть... Бррр, какая холодная. Цепляйтесь за матрац, а то утонете.

– А я вас как раз ищу, – ответил я.

– Что вы говорите! – наигранно воскликнула она, сдувая капельки воды с верхней губы. – И для чего же вы меня ищете?

Мы, опираясь локтями о матрац, как о стол, демонстрировали друг другу милейшие улыбки. Однако в то же время мне приходилось отчаянно болтать в воде ногами, удерживая вертикальное положение, но они все равно всплывали и, в конце концов, их затащило прямо между ног Ирины. Получилось ужасно – словно я проделал этот пошлый трюк нарочно. Кажется, я покраснел так сильно, что вода вокруг меня должны была тотчас вскипеть. Удив-

ляюсь, почему Ирина не заехала мне по физиономии. Она молча оттолкнула меня вместе с матрацем и, не поднимая плечи над водой, медленно поплыла вдоль берега. Я, стараясь держаться от девушки на безопасном расстоянии, поплыл за ней, одной рукой загребая, а другой буксируя за собой матрац.

– Ну что вы там? – крикнула, не оборачиваясь, Ирина. – Воды наглотались? Что вы хотели?

Я прибавил немного оборотов и сравнялся с нею.

– Я хотел поговорить с вами об Анне.

– Со мной? – искренне удивилась Ирина. – Кажется, вы знаете ее намного больше, чем я.

– Да, я знаю ее больше, чем вы. Но дело в том, что Анна пропала.

Ирина даже не остановилась и не повернула голову в мою сторону. Я ожидал от нее другой реакции.

– Вот как, – сказала она и, помолчав, добавила: – А с чего вы взяли, что она пропала?

– Она не ночевала... – Я хотел сказать "на крыше", но подвернулось более удачное слово. – Она не ночевала на даче.

– Ну, это еще ни о чем не говорит.

– Вы правы, конечно. – Ирина начинала меня нервировать. – Но я, предоставивший ей жилье, в какой-то мере несу за нее ответственность. Мало ли что с ней могло случиться? Может быть, она утонула.

– Она не утонула, – ответила Ирина уверенно, повернулась ко мне: – Отдайте матрац! Что вы вцепились в него, словно сами тонете?

– Вы знаете, где она?

– Я? – зачем-то переспросила Ирина, будто этот вопрос мог быть адресован еще кому-то. – Я, может быть, и знаю.

– Вы говорите загадками. Это что, такая манера общения, или вы не хотите отвечать мне?

– Я не совсем уверена в том, что знаю точно, а вы же хватаете за горло, как прокурор.

Ей было нужно время, чтобы подготовить ответ, и Ирина, сделав глубокий вздох, с головой ушла под воду. Без всякого сомнения, она что-то знает, думал я, глядя на пузырьки, выпрывающие из глубины на поверхность. У женщин, конечно, бывают свои тайны, но разве Ирина и Анна настолько близки, чтобы так свято хранить секреты друг друга?

Она вынырнула, откинула назад волосы, провела ладонью по лицу, снимая воду.

– Я думаю, что она на пару дней уехала в Джанкой. Там у нее родственники. Тетка, что-ли? Она что-то говорила про Джанкой. Это, по-моему, недалеко.

Я сразу понял, что она лжет.

– Уехала в Джанкой на темно-синей "Вольво", – добавил я.

– "Вольво"? – Ирина часто заморгала и уставилась на мой локоть. – Не знаю ни про какую "Вольво".

Вдруг меня осенило, и я едва не рассмеялся.

– Послушайте, милая! Я не знаю, что рассказывала вам Анна про наши с ней отношения, но, уверяю, мне наплевать на ее любовников, и ваша преданность совершенно бессмысленна, как нелепа и смешна ваша беспомощная ложь.

Ирина легко подняла на меня свои очаровательные глаза, краешек ее губ дрогнул. Она покачала головой и сделала легкий выдох, словно выдувала сигаретный дым мне в лицо.

– Думайте, что хотите.

Я промахнулся. Версия с любовником, похоже, была совсем далека от истины. Ирине надоело мерзнуть в воде, и она, сверкнув глянцевитой кожей, выскользнула из воды и легла грудью на матрац, представ перед моими глазами во всей, так сказать, красе. Может быть, она хотела таким образом поставить точку в нашем разговоре? Если бы мне было лет пятнадцать, то так бы оно и вышло: воспитанный бабкой жутким пуританином, я вряд ли бы вынес такой

ошеломляющий поступок девушки и моментально наглотался бы морской воды. Сейчас же я спокойно разглядывал ее порозовевшую, покрытую "мурашками" озноба кожу и думал о том, что с годами я стал чрезмерно придирчивым, и мне очень непросто будет найти себе жену. Бог слепил Ирину неплохо, хотя и не без изъянов. Лодыжки, например, немного толстоваты, плечики – воробьиные, узкие и слабые, а это не в моем вкусе.

– А вы наглец, – неожиданно сказала она и плеснула мне в лицо воды.

– Должен сказать, – ответил я, отворачиваясь и протирая глаза, – что вы сами запрыгнули в поле моего зрения. Но я успел заметить, что фигура у вас, как у богини, – солгал я. – Десять лет живу в поселке, но такой ни у кого не видел.

Даже понимая, что это всего лишь беззастенчивая лесть, Ирина не смогла сдержать улыбки.

– Благодарю за сладкие слова, но вы, конечно, говорите неправду. Я лучше вас знаю, какие достоинства и недостатки у моей фигуры.

– Всякая неправда, как и правда, относительна. Я считаю, что ваша фигура совершенна, и мое мнение имеет право на жизнь. Вы говорите, что Анна уехала к тете в Джанкой, и, должно быть, в этой лжи тоже есть свой смысл.

– Вы опять за свое? Я вам сказала то, что знаю.

– И вы сами в это верите?

– Верю!

– В то, что Анна уехала к родственникам, собравшись как по тревоге, и даже не взяла с собой косметичку?

Ирина молчала. Мимо промчалась моторка, и нас качнуло на волне. Я осторожно повернул голову. Она смотрела на меня.

– Откуда вы знаете?

– Что знаю? – не понял я.

– Что она не взяла собой косметичку?

– Потому что видел ее на крыше.

– Анну?

– Да косметичку, черт возьми! Неужели я так путано объясняю?

– Вы мне надоели, – вдруг изменившимся голосом сказала Ирина и отвернулась от меня. – Оставьте меня в покое, – добавила она. – Я вам все сказала, и нам больше не о чем разговаривать.

– Очень жаль, – ответил я и, опустив лицо в воду, поплыл к берегу. Вдох из-под правой руки, выдох в воду, вдох из-под левой, выдох... На вдохе, поворачивая голову, я видел Ирину. Она, все так же лежа на матрасе, следила за мной.

Я выбрался на берег не в том месте, где вошел в воду – нас отнесло течением в сторону, и я не сразу нашел одежду. Джинсы и майку, сложенные на камне на манер подстилки, облюбовала рыжая такса. Ее хозяйка – парень с девушкой – отдыхали в стороне, в тени скалы, и коротколапая собачонка, предоставленная сама себе, облаяла меня до хрипоты, пока я стряхивал с майки шерсть и одевался.

Ирина – я хорошо видел ее из-за камня – медленно плыла вдоль берега, наблюдая за мной. Заправляя майку на ходу, я вышел на тропу, но повернул не в сторону поселка, а влево, к Новому Свету. Ирина не могла этого не заметить. Бодрым шагом я поднимался все выше и выше, пока меня не скрыли заросли можжевельного дерева.

Тут я остановился и сел на землю. Моя безумно-оранжевая майка, из которой давно пора было сделать половую тряпку, сразу вспыхнет кричащим пятном, и меня будет видно из Турции, как только я поднимусь на шоссе. Пришлось ее стаскивать и подставлять голые спину и грудь колючим веткам и надоедливой мошкаре.

Пригнувшись, я побежал по склону к огромному белому камню, с которого, наверняка, весь пляж был виден как на ладони. Последние пять метров мне пришлось преодолевать на корточках, так как там не было ни одного деревца. За камнем я выпрямился во весь рост, осторожно заглянул за него, но видеть пляж мешала разлапистая коряга. Я попятился назад, отыскивая более удобное место, как вдруг почувствовал, что коснулся плечом чего-то мягкого.

Ойкнув, от меня отпрянул гражданин в голубой рубашке навывпуск, белой кепке и сандалиях поверх синих носков. В руках он держал бинокль.

– Простите, – сказал он, смущенно пряча бинокль в кожаный футляр. – А я здесь за дельфинчиками... Гмм... Удобное место, правда? А вы тут, простите, отдыхаете? В пансионате или так, дикарем?

Я заглянул за камень. Гражданин был прав, место очень удобное, не меньше дюжины бронзовых ягодиц – как на ладони. Поверхность моря, отсвечивая солнце, ослепительным светом резала глаза, но я все же разглядел, что Ирины на матрасе уже нет.

– Дайте-ка мне бинокль, – попросил я гражданина, и он, приняв меня за единомышленника, с охотой выполнил просьбу. Я приник к окулярам, навел резкость и "поплыл" над камнями и телами.

– Вот там, немножечко левее, – близко над ухом заговорил гражданин. – Великолепный экземпляр. Гляньте, какие роскошные бедра! А бюст... И еще правее, на красной подстилочке. Нашли? Как вам это нравится?

Гражданин, наверстывая упущенное в молодости, в которой, как утверждали по телевизору, секса не было, слегка отвлекал меня, но, тем не менее, я быстро нашел Ирину. Она, уже одетая в купальник и майку, стояла на коленях и давила обеими руками обмякший матрас, выжимая из него остатки воздуха. Она торопилась и время от времени кидала взгляды в ту сторону, куда я ушел.

– Я жалею, что не взял с собой телескоп, – чмокнув губами, сказал гражданин. – У меня в Козельске есть свой телескоп. "Белый Карлик" называется, очень удобный для домашних условий, а стократное увеличение, знаете ли, это что-то. А этот бинокль – так, игрушка, память о службе на флоте...

Ирина уже скрутила матрас в рулон, подвязала его бечевками и, сунув под мышку, стала подниматься по тропе. Она то пропадала, то появлялась опять, с каждой минутой все ближе и ближе.

Я отдал бинокль гражданину и бегом рванул на шоссе.

– Приходите завтра часикам к десяти! – крикнул он вдогонку. – Я покажу вам еще один наблюдательный пункт!

Обливаясь потом, я выбежал на шоссе и, вытирая майкой лицо и грудь, стал искать какой-нибудь выступ в скалах, откуда мог бы незаметно проследить за Ириной, но как только я сделал первый шаг, чтобы перебежать на другую сторону дороги, как вдруг из-за поворота выскочил хорошо знакомый мне "Москвич" и пошел мне наперерез. Только его здесь не хватало!

Машина остановилась рядом, как вкопанная.

– Что ты носишься, как чумной? – крикнул Клим, высунувшись из окошка.

– Давай, рули дальше, – махнул я рукой. – Не до тебя!

– А я видел твою кралю, – сказал он.

– Какую кралю, черт тебя возьми? – Я обернулся. Ирина вот-вот поднимется на шоссе.

– Ну эту, как ее? Анютку!

Я просунул руку в окошко и схватил Клим за плечо.

– Где?!

– Ишь ты, как всполошился! А ведь я предупреждал, что ее уведут.

– Да не трави душу, говори, где ты ее видел!

– Ну, не так, чтобы лично Анюту видел, – поправил себя Клим. – А "Вольво", на которой ее хахаль катал. В Новом Свете, на стоянке у бывшего мидовского санатория жарится. Только что мимо проезжал... Так-то, братишка.

Среди деревьев мелькнула салатовая майка Ирины. Я хлопнул ладонью по горячему капоту.

– Все, проваливай! – И метнулся к скалам.

Клим, к счастью, не стал выяснять, с чем связано мое странное поведение и тотчас переключился на Ирину. Он проехал вперед метров пятьдесят и, поравнявшись с ней, остановился. В это время я, согнувшись в три погибели, наблюдал за ним из-за придорожного камня и нещадно бил кулаком по песку:

– Вперед! Езжай! Не останавливайся... а-а-ах, ешкин кот!

Ирина прыгнула на переднее сидение, "Москвич" лязгнул коробкой передач и быстро растаял за облаком выхлопа.

– Ну что за человек! – в сердцах бормотал я, поднимаясь из-за своего укрытия. – Ну откуда он взялся на мою голову!

Я оглянулся в надежде, что меня подберет какая-нибудь попутка, но шоссе, как назло, было пустынным. Не тратя больше времени на бесполезные раздумья, я побежал следом за "Москвичом" и, поднявшись на перевал, увидел, как машина, стреляя выхлопом, медленно ползет вниз по серпантину. У меня был шанс догнать ее, пробежав со скоростью молодого жеребца наискосок, по бездорожью.

Проклиная в уме Клим, раскаленное солнце и весь этот сумасшедший день, который для меня начался в пять утра, я побежал по знойным, высушенным холмам, стараясь не упускать из виду "Москвич", но после нескольких падений стал смотреть уже только под ноги. Я промчался мимо гаражей пансионата, где, разбрызгивая слюну, надрывались в истерическом лае никогда не знавшие ласки сторожевые псы, затем по тенистым аллеям, где дрожала в воздухе прохладная водяная пыль от поливочных форсунок, и по мосту, перекинутому через бетонированный высохший канал, опять на шоссе.

Бежать дальше у меня уже не было сил, но, к счастью, необходимость этого отпала. Когда я, высунув язык, вывалился на шоссе, "Москвич" стоял рядом с улочкой, ведущей к моей даче. Ирина вышла из машины, но Клим, похоже, настойчиво предлагал ей свидание, и она вынуждена была что-то отвечать ему, склонившись над окошком, поворачиваться, отходить на шаг-другой, затем снова возвращаться к машине и склоняться над окошком.

Мне хорошо известно, как бывает непросто отвязаться от Клим, но сейчас эта его особенность играла мне на руку. Пока Ирина с натянутой улыбкой прощалась с ним, я переводил дух, сидя в тени пыльного кипариса.

Наконец, "Москвич", отравляя атмосферу, покатил дальше, а Ирина, оглянувшись, свернула в проулок. Когда она скрылась за домами, я покинул свое убежище и уже не торопясь пошел следом.

Из-за ствола тополя я увидел, как она приблизилась к калитке дачи, в очередной раз посмотрела по сторонам, привстала на цыпочки, чтобы дотянуться до защелки, открыла дверь и юркнула во двор. Я поторопился, чтобы не упустить самое интересное.

Дверь не скрипнула – каждый год смазываю солидолом петли. Во дворике Ирины не было, в палисаднике тоже. Остается крыша. Я встал перед лестницей, не зная, как подняться по ней бесшумно. Никаких звуков не доносилось сверху. Я осторожно поставил ногу на нижнюю ступеньку. Деревянная доска прогнулась, но не скрипнула. Поставил вторую, поднял голову, чтобы убедиться, что Ирина не наблюдает сверху за моими стараниями и тут же услышал тихий шипящий звук, будто вспыхнула спичка, и над крышей поплыл серый дымок.

По-моему, самое интересное уже началось, а, может быть, уже прошло. Рискую обломать своей тяжестью прогнившие ступени, я взлетел наверх, сильно стукнувшись головой о ветку ореха.

Ирина сидела на раскладушке с перекошенным от испуга лицом. Думаю, что она не закричала только потому, что вовремя закрыла ладонью рот. На полу, у ее ног, тлел кусочек бумаги. Я придавил его подошвой.

– Это вы? – с трудом произнесла Ирина, пытаясь вытянуть губы в улыбке. – А я думала...

Она пыталась незаметно отодвинуть раскрытую косметичку за спину. Я схватил ее за руку. Ирина не сопротивлялась. Из ее другой руки я выхватил коробок со спичками.

– Ну хватит! – сказал я. – Ты что, решила поджечь мою дачу?

Она ужасно фальшиво рассмеялась, потом провела ладонью по лбу и опустила глаза:

– Простите, Кирилл. Сама не знаю, что на меня нашло. Умоляю вас, уведите меня отсюда, мне надо чего-нибудь выпить.

Я понял, что если она не расскажет всего сейчас, то уже через несколько минут, когда я поведу ее что-нибудь выпить, возьмет себя в руки, и я снова ничего от нее не добьюсь.

Ирина взяла себя в руки намного быстрее, чем я ожидал. Она вскинула на меня глаза и уже другим тоном спросила:

– Что ты следишь за мной, как ищейка?

– Ирина, я повторяю свой вопрос: где Анна?

– Я не знаю, где твоя Анна.

– Что ты делала здесь?

– Искала свою помаду в этой косметичке. Позавчера одолжила, сегодня забираю. Что, нельзя? Можешь так сильно не волноваться, я ничего не украла с твоей дачи.

Я убрал ногу и поднял с пола полуобгоревший бумажный уголок. Похоже, это была визитная карточка. Я с трудом разобрал остатки слова, может быть, фамилии: "РОВ", и ниже, более мелким шрифтом: "тор".

– Что это?

– Не знаю, – коротко ответила Ирина и отвернулась, делая вид, что рассматривает Портовую башню.

– Не принимай меня за идиота, – сказал я, чувствуя себя, однако, полным идиотом. – Ты пришла сюда для того, чтобы сжечь эту визитку. Кто такой этот "РОВ"? Какое отношение он имеет к Анне?

– А ты в милиции не работал? – томным голосом спросила Ирина. – Из тебя бы получился хороший мент. – Она поднялась с раскладушки. – Ладненько, я пошла... Ой, черешни сколько! Угостил бы, что ли.

Ну что с ней делать? – думал я, глядя, как Ирина, ухватившись одной рукой за арматурный каркас, свешивается с крыши и тянется к тяжелым ветвям, усыпанным крупной желтой черешней. Не получился бы из меня мент. Ни хороший, ни плохой.

5

Я плелся по жаре домой, машинально хлопая себя по карманам в поисках ключей, и только когда вывернул их наружу, то вспомнил, что сдуру отдал ключи женщине в желтом сарафане, чтобы из моей квартиры она позвонила по телефону.

Да, Кирилл, сказал я себе, в последнее время у тебя что-то с головой. Женщины крутят тобой, как хотят.

Неожиданно я вспомнил, что сказал мне Клим насчет "Вольво", хотел уже было повернуть назад, чтобы немедленно поехать в Новый Свет, но голодное, измученное жарой тело каждой клеткой завопило: "Нет! Только не сейчас! Пообедай, прими душ, а потом отправляйся!" В самом деле, подумал я, раз "Вольво" жарится на стоянке в Новом Свете, значит и водилу, и Анну следует искать там же.

Я нажал кнопку звонка, но дверь никто не открыл. Я позвонил еще раз, потом постучал. Эта женщина, вроде, на воровку не похожа, подумал я, прислушиваясь к тишине за дверью. Да и воровать у меня нечего. Может быть, она давно ушла, но куда в таком случае дела ключи?

Я посмотрел под половиком, на всякий случай позвонил соседу, хотя знал, что в это время он работает, и спустился вниз.

Хорошо, что ей не взбрело в голову закрыть балконную дверь – почти круглый год я держу ее открытой. Во-первых, в квартире всегда свежий морской воздух, а во-вторых, случайно забывая ключи, легко проникаю в квартиру через балкон.

Так я и сделал. Упражнение для начинающего скалолаза – сначала на бетонную плиту, служащую навесом над подъездом, с нее, по газовой трубе, держась за подоконник на втором этаже – на перила балкона соседа, а оттуда уже легко дотянуться до моего. Раз-два, и я в комнате.

Я ожидал увидеть все, что угодно, но только не это. Кадр из детективного фильма! На минуту мне стало не по себе, и я, все еще находясь в дверном проеме при входе в комнату, невольно обернулся, словно хотел убедиться, что с балкона никто не ткнет мне в спину револьверным стволом.

На стуле, как раз напротив меня, сидела та самая глуповатая женщина в желтом сарафане. Голова ее была безвольно опущена на грудь, глаза закрыты, но, слава Богу, она была жива, и при каждом вздохе опоясывающие ее тело веревки врезались в кожу, оставляя на ней красные полосы. Рот завязан кухонным полотенцем, веревочная петля, стянувшая шею, соединена узлом с руками, заведенными за спину, из-за чего женщина не могла ни пошевелить ими, ни опустить их ниже. Ноги несчастной двумя поясными ремнями были прижаты к ножкам стула. Компактно, аккуратно и надежно. Профессиональная работа.

Услышав мои шаги, женщина открыла глаза, и из них выплеснулся безмолвный крик. Она не узнала меня в первое мгновение, приняв, должно быть, за своего мучителя. Должен признаться, что у меня не шевельнулось в душе ни малейшего сострадания к ней – может быть потому, что сам факт присутствия в моей квартире связанной женщины, оказавшейся здесь совершенно случайно, был невероятен, и я еще не воспринимал его достаточно серьезно. Поэтому, я не кинулся развязывать ей руки, а с выражением глубочайшего недоумения на лице обошел вокруг моей странной гостьи, заглянул во вторую комнату, затем в коридор и на кухню, и снова вернулся в комнату.

Дверки платяного шкафа раскрыты настежь – отсюда вытащили ремни, из кухонного стола выдвинули ящик, нарочно или в спешке бросив его на пол. Я собрал с пола вилки и ножи, поставил ящик на свое место. В прихожей сорвана с вешалки моя штормовка и брошена на пол. Ну, это все мелочи. Самая главная потеря – унесли золотого дракона инков с изумрудным глазом, которого я привез из Южной Америки. Вещица дорогая, и не только потому, что золота

в ней почти на два кило, но и как память о моем авантюрном путешествии. Я никогда не прятал дракона от посторонних глаз, потому что определить его подлинность и ценность мог только специалист, а этнографы, специализирующиеся на культуре древних инков, пока еще у меня в гостях не были. Друзья же, в том числе и Клим, воспринимали дракона как дешевую латунную безделушку, которую я купил на рынке у цыган, торгующих бижутерией и гипсовыми статуэтками чертей и драконов, и не проявляли к нему никакого любопытства, а я, естественно, не подогревал их интерес.

Я взял табурет и сел напротив женщины, внимательно глядя на ее глаза, молящие о помощи. Что-то не нравится мне весь этот спектакль. Два года назад я был очень доверчивым человеком, и на мои уши совсем несложно было навесить лапшу. С лапши и началось мое знакомство с Валери, тогда еще будущей матерью моей дочери. Эта красивая, умная и хитрая метиска возглавила группу мошенников, и они моими руками ограбили инкассатора казино "Магнолия". Впрочем, инкассатором потом оказался сводный брат Валери – Глеб, но тем не менее я глубоко заглотнул приманку, подкинутую мне Валери.

Дочь перуанца, крупного наркодела и литовской артистки драмтеатра, она научила меня иначе смотреть на жизнь. Благодаря ей я стал неисправимым скептиком, и любое явление жизни, которое раньше воспринял бы как истину, теперь подвергаю сомнению: а так ли оно есть, как кажется на первый взгляд? Безусловно, такая концентрированная подозрительность стала не лучшим моим качеством, и потому кое-кто из моих прежних друзей теперь на дух меня не выносит, зато я познал одну очень важную житейскую мудрость: наша жизнь – затянувшийся спектакль, где каждый играет ту роль, которая в наибольшей степени скрывает его истинную суть.

Я молча смотрел на тихие страдания женщины и, прежде чем развязать ей рот и выслушать ее, попытался в общих чертах разгадать, что же произошло. Без всякого сомнения, ее связал кто-то другой, сама она никак не могла связать свои руки за спиной. Предположим сообщника, вместе с которым она решила очистить мою квартиру. Сообщник звонит мне по утрам, чтобы создать атмосферу таинственности, а также вывести меня из себя, затем в очень лаконичной форме предупреждает о какой-то опасности. Нетрудно просчитать, что я тотчас побегу к единственному телефону-автомату в поселке в надежде найти анонимщика, но встречаю легкомысленную гражданку, щебечущую по телефону. Разумеется, она видела какого-то мужчину в красных трусах и хорошо запомнила, куда он пошел, но у нее больше нет жетончика, а так срочно надо позвонить. Я, как нормальный человек, предлагаю ей ключи от квартиры, а сам иду искать мужчину в красных трусах, звонившего мне, хотя он вовсе не в красных трусах и давно стоит у подъезда моего дома, ожидая женщину с ключами. Затем они быстро очищают квартиру, мужчина, обеспечивая женщине алиби, связывает ее и завязывает ей рот полотенцем, а сам скрывается.

Ну вот, все склеивается, думал я, разглядывая полные коленки женщины. Красотой тебя Бог обделил, и, к сожалению, умом и хитростью тоже. Сейчас я развяжу тебя, и ты, нагоняя на глаза слезы, будешь рассказывать мне, как мирно звонила по телефону, и вдруг в квартиру ворвался большой и страшный человек в черных очках, и как он несколько раз ударил тебя, а потом привязал к стулу и принялся запихивать в мешок все, что ему попадалось под руку, в том числе и дракончика, висевшего на стене. После чего он, естественно, скрылся в неизвестном направлении, а ты, умирая от страха, потеряла сознание.

Я встал, поднял с пола нож, лежащий рядом со стулом, разрезал веревки, развязал ремни, а полотенце, которым был стянут ее рот, не развязывая, стянул на шею на манер пионерского галстука. Резать жалко, пусть мучается с узлом сама.

– Это ужасно! – произнесла она первую фразу и, точно следуя предсказанному мною сценарию, принялась плакать. Слезы были натуральные, и она вытирала их кончиками "пио-

нерского галстука". Я проявил свое железное терпение и позволил ей проиграть эту мокрую сценку до конца. Когда слезки иссякли, женщина сказала:

– У вас нет какой-нибудь воды?

Готовится к монологу, подумал я и принес ей воды из-под крана. Она выпила весь стакан с такой жаждой, что, уверен, легко справилась бы и с трехлитровой банкой.

– Ну, – сказал я, закидывая ногу на ногу и скрещивая на груди руки. – Теперь можно и поговорить. Начинайте! Про то, как в квартиру неожиданно ворвался незнакомец в очках, как он ударил вас, а потом связал.

Женщина судорожно сглотнула и выпучила на меня глаза.

– А вы откуда знаете? – полушепотом спросила она.

– Да такое у меня свойство. Про Ванду читали? Так вот, я ее дальний родственник. Закрою глаза и вижу, что происходило там, где меня не было.

Женщина смотрела на меня с недоверием, даже с опаской. Если она полная идиотка и поверит в этот бред, то, возможно, сейчас же и признается.

– Я жду, – повторил я. – Говорите только правду и в подробностях.

Она вдруг прижала к груди руки и быстро-быстро заговорила:

– Клянусь вам, я думала, что это вы и не стала спрашивать, но только дверь приоткрыла, он сразу ногу просунул, телом надавил – куда там мне с таким конем справиться! Я бы милицию позвала, голос у меня – будь здоров, но он, паскудина такая, сразу за горло схватил, к лицу какой-то дезодорант подсунил, а потом на стену толкнул. Я только за вашу куртку успела схватиться, да так с ней и отлетела, там, кажется, петелька оторвалась – это я сейчас пришью. У меня от неожиданности, знаете, прямо-таки горло свело, я стою, глазами моргаю, ничего сказать не могу, а он – рукой за лицо и повторяет одно и то же, как заведенный: где, мол, Вакула, куда он спрятался...

– Вацура, – поправил я и подумал, что они молодцы, учли даже такой тонкий момент, как преднамеренное искажение фамилии.

– Извините, я не помню точно.

– Естественно, – закивал я головой. – Ну, и что было дальше?

– Ну, я не буду повторять, что он мне говорил – там все с матом, очень грубо, потом он толкнул меня на стул, достал из кармана веревку и связал, как колбасу, – чтоб он удавился на этой веревке! У меня руки и ноги затекли, я до сих пор пошевелить ими не могу.

Она стала показывать мне свои конечности с малиновыми следами веревки, но я потопил:

– Ну-ну, а дальше? Он стал обыскивать шкафы...

Женщина покачала головой.

– Нет, он ничего не обыскивал, а только полез вон туда за ремнями, да на кухню сходил за ножом – ему концы надо было обрезать. А когда уже уходил – ох, знаете, он так меня предупреждал, чтобы я молчала, чтобы слышно меня не было, щетиной своей все лицо мне извозил – так вот, когда уже уходил, тогда только снял какое-то украшение на стене – я не разобрала, что это было, чеканка, что ли?

– И вы потеряли сознание, – довершил я ее рассказ.

– Если б потеряла, – вздохнула она. – А так все эти три – или сколько там часов прошло? – сидела и дышать боялась. Все думала, что он сейчас вернется и саданет ножом по горлу.

– Вот видите, как хорошо, – сказал я и улыбнулся. – Вы отделались легким испугом. Даже синяков на лице не видно. Только вы забыли сказать о самом главном.

– О чем же? – насторожилась женщина, судорожными движениями пытаюсь развязать узел на "пионерском галстуке".

– О том, что этот страшный человек и есть тот самый мужчина в красных трусах, который звонил из санаторного телефона сегодня утром.

Женщина уставилась на меня невидящим взглядом, будто мысленно переводила фразу с иностранного языка на родной, потом медленно покачала головой.

– Нет, это был не он.

Вот так прокол! Я даже расстроился и удивленно развел руками в стороны.

– Как же, милая! Как же вы запомнили? Без всякого сомнения, это был именно тот краснотрусый мужчина! Сначала он позвонил мне домой, выясняя, на месте ли я, а затем пошел меня грабить, но, к несчастью, на моем месте оказались вы, и не смогли оказать злодею достойного сопротивления.

Женщина снова уставилась на меня пустыми глазами и снова покачала головой:

– Не, вы меня не путайте. Не тот это был. Тот, что в трусах, я его хорошо запомнила, он каждое утро под моим балконом пробегает. Высокий, рыжий, худощавый, руки и ноги бледные. Бывает такая кожа, знаете, солнце ее не берет – лишь краснеет, а загара нет. А этот, что в квартиру вломился, роста чуть пониже вашего, темноволосый, нос с горбинкой, борода черная, какие моряки носят.

Зачем так усложнять легенду? – подумал я и тут в душу ко мне закралось сомнение: а вдруг она говорит правду?

То ли от жары, то ли от хаоса последних событий, у меня вдруг нестерпимо разболелась голова. Надоело, подумал я, надоело придумывать загадки и самому их разгадывать. Я мнительный человек, я от безделья стал страдать синдромом криминального ожидания. Эта вертихвостка Анна попросту уехала попить шампанского в Новый Свет с первым попавшимся ловеласом. У ее подруги Ирины свои мелкие тайны, там может быть замешана ревность, зависть или старая любовь. Звонки по телефону? Так мало ли кто может ошибиться номером, мало ли кто решил меня разыграть? Собственно, а почему я исключил Клима? Весной он столкнул меня с пирса в воду, естественно, в одежде. Подобные шутки в его репертуаре. Голос не его? Так голос несложно изменить при помощи кусочка фольги или газеты, скрученной в трубку. И остается сегодняшняя кража без взлома. А почему бы и нет? Почему я так уверен в том, что вокруг меня сплошные идиоты, не способные отличить золото от латуни? Кто-то из моих друзей где-то ляпнул, кто-то услышал, кто-то вспомнил, что я недавно вернулся из Южной Америки – вот и логическая цепочка, вот и основание для кражи. Два кило золота висят на стене у чудака, который, уходя из дому, даже не закрывает балконную дверь – иди и бери.

Женщина с тревогой смотрела, как я расхаживаю по комнате и тру рукой лоб.

– Ни о чем не беспокойтесь, – сказал я ей. – Я позвоню в милицию, приедут следователи и во всем разберутся. У вас есть при себе какие-нибудь документы?

– Есть, – кивнула она. – Карта гостя. Вот.

Она достала из кармана сарафана потрепанную карточку и протянула мне. Мишук Мария Богдановна. Корпус третий, комната двадцать восемь.

– Хорошо, идите, – кивнул я, возвращая ей карту. – Если что – вас найдут.

Женщина поднялась со стула, на котором просидела полдня, переминаясь с ноги на ногу, попрощалась, извинилась, снова попрощалась и неслышно вышла из квартиры.

Ты вопиюще ленив и нелюбознателен, сказал я себе, даже не в силах выйти на балкон и проследить, в какую сторону пошла Мария Богдановна. А ведь можно было провести ее до санатория, узнать у администратора, проживает ли эта женщина у них, проверить паспорт... Но это забота милиции, говорил во мне другой голос. Пусть следят, пусть проверяют. А мне эта петрушка надоела. Я устал. В конце концов, я просто смешон.

6

Разумеется, я не стал вызывать милицию. Ну что я скажу следователю? Что у меня украли слиток золота, который я контрабандным путем вывез из Перу? Начнутся расспросы, почему я отстал от группы, чем занимался в Приамазонии почти год, почему, в конце концов, живу здесь без прописки, и отчего моя покойная бабуся забыла написать на меня завещание. Если я расскажу ментам все, то у них волосы встанут дыбом и меня моментально депортируют в Россию и передадут в службу безопасности.

Однако, я не был намерен так просто расстаться со своей реликвией. Человека, который вломился ко мне, можно просчитать, если, в самом деле, составить цепочку, по которой слух о золотом драконе просочился в среду домовников. И в этом деле никого нельзя сбрасывать со счетов. Даже Клима.

Я прекрасно выспался следующей ночью, хотя проснулся где-то около шести, – никто мне не звонил, не советовал готовить себе алиби, и хорошее настроение подпортила только голая стенка с одиноким гвоздем, на котором еще вчера висел золотой дракон.

Я взял ведро с размоченным хлебом и пошел на дачу. Похоже, солнце даст нам сегодня передохнуть – при полном безветрии небо было затянуто тучами, и оттого край моря, выглядывающий между Крепостной горой и Болваном, был серым и унылым.

За художественным музеем я свернул налево и пошел вниз. Перед чугунным ограждением санатория на секунду остановился, после чего изменил своей привычке, не стал сокращать путь по его территории и снова пошел по шоссе.

Когда я сравнялся с проулком, мое внимание привлек человек, бегущий по серпантину в мою сторону. Точнее, не сам человек, а его ярко-красные спортивные трусы, горящие, как люминесцентный светильник. Рыжеволосый, кудрявый, с бледной, слегка порозовевшей кожей. Э, да это тот самый тип, который, если верить словам Марийки, звонил мне вчера утром.

Я застыл со своим ведром на обочине дороги, не зная, что предпринять. Как заговорить с бегущим человеком? О чем спросить его? Времени на раздумья у меня не было, человек приближался с каждой секундой.

Я закинул ведро в кусты, отвел руки за спину и стал прохаживаться от одного края дороги к другому. Бегун вильнул в сторону, чтобы не налететь на меня. Я понял по его индифферентному лицу: он меня не знает и никогда раньше не видел. Я сделал широкий шаг и снова оказался на его пути.

– Стой! Стой! – махнул я рукой, как жезлом, будто останавливал машину.

Наверное, у рыжего были неважно отрегулированы тормоза, и он все-таки задел меня плечом, чертыхнулся, хотел было побежать дальше, но я крепко схватил его за влажное запястье. Он бегуна пахнуло потом. Он вытаращил на меня глаза и, брызгая слюной, крикнул:

– Чего?! Ты что хватаешь? Вzbесился?

– Стоять, стоять, – спокойно ответил я ему, внимательно разглядывая его кроссовки. – Бегаем, значит? Природу топчем?

– Да кто ты такой? – взвизгнул рыжик. – Отпусти руку!

– Я старший егерь судакского лесхоза Бодунко. Еще вопросы есть? Разъяснения не требуется?

– Ну и что? – Рыжик все еще дергал свой руку, но уже не столь агрессивно. – А что я такого сделал?

– Щит перед подъемом видели? Читать умеете?

– Какой щит? – заморгал глазами рыжик, хотя совершенно ясно было, что он знает, о каком щите я говорю.

– Ну, обернитесь и посмотрите. Он и отсюда виден.

Рыжик повернулся, убедился, что щит, в самом деле отсюда виден.

– А что там особенного? – зашлепал он мясистыми губами. На кончике его носа дрожала капелька пота. Безбровый, лишенный ресниц, он почему-то напоминал мне верблюда. Убедившись, что он не станет убегать от меня, я отпустил его руку и, расхаживая перед ним, монотонным голосом пояснил:

– На щите написано: "Государственный ботанический заказник "Новый Свет". Посещение леса, разбивка палаток, разжигание костров строго воспрещается." Так?

– А я что, разжигал костры?

– Нет, вы посещали лес.

– Да я только по дороге, – не меняя нагловатого тона ответил рыжик и показал рукой, по какой дороге он носился.

– Ай-я-яй! – покачал я головой. – Ну зачем вы обманываете? Все говорят, что только по дороге, а сами в лес ходят. Вот и вы тоже. У вас же кроссовки в глине.

Рыжик посмотрел на свои кроссовки, пожал плечами, но ответил уже другим тоном:

– Да я только на обочину сошел. Там даже трава не росла.

– На обочину, – опять покачал я головой, с удовольствием играя роль егеря. – Да у нас обочина – до самого моря обочина. Это вам не Козельск. Здесь экология, а она у нас одна. А вот вас, приезжих – как собак нерезаных. Каждый сойдет на обочину, и через два года леса не станет. Ясно? Придется жаловаться на вас администратору санатория. Вы ведь из "Сокола"?

– Да, – ответил рыжик, погрузнев.

– И штраф с вас полагается. Триста тысяч купончиков.

– Ничего себе штрафы! – вытянул верблюжье лицо рыжик.

– А вы как думаете? Топтать природу легко. А попробуйте вырастить хоть один кипарис или можжевельник. Не пробовали? Ну вот и молчите.

– А у вас есть какие-нибудь документы? – насторожился рыжик.

– А зачем мне документы? Меня начальник санатория знает, как облупленного. Сейчас сходим к нему, составим акт – копию, кстати, вышлем по месту вашей работы – а потом уже уплатите штраф. Не знаю, какие меры к вам начальник применит. Одного такого марафонца в прошлом году досрочно выгнал из санатория. Гербарий собирал, ботаник хренов.

Рыжик заволновался, завертел кудрявой головой по сторонам, стал почесывать волосики на груди. Вот ведь простофиля, думал я, с некоторым сочувствием глядя на его растерянный вид. Если Марийка сказала неправду, и этот верблюд никогда не звонил мне, то я просто заболел от жалости к нему.

– А может быть, – заговорщицки сказал мне рыжик, – обойдемся без начальника? Я уплачу вам штраф, и на этом поставим точку?

Я вздохнул.

– Все вы ищете какие-то пути, чтобы увильнуть от закона. Ладно. В порядке исключения. У вас деньги с собой? – спросил я, хотя было совершенно очевидно, что в трусах спрятать деньги невозможно.

– К сожалению. – Он похлопал себя по ягодицам. – Если вам не трудно – здесь недалеко.

– Ну идемте, только быстрее, – поморщился я.

Я конвоировал рыжика по санаторной аллее, моля Бога, чтобы не повстречался кто-нибудь из знакомых. Мы зашли в жилой корпус, я громко поздоровался с дежурной, которую видел первый раз в жизни, и, не давая ей опомниться, поинтересовался, купалась ли она сегодня в море и какова водичка. Кинув ей напоследок, что обязательно позвоню вечером, быстро затащил рыжика в лифт.

– Какой этаж?

– Пятый.

У него в номере может оказаться жена, дети, и поговорить нам не удастся, подумал я.

Дверки лифта разъехались в стороны. Холл с пальмой в ящике, балкон с открытыми настежь дверями. В конце коридора, с пылесосом в руках, над ковровой дорожкой склонилась уборщица. Дверь в подсобку, заставленную пустыми бутылками, вениками, швабрами и ведрами, открыта. Уборщица – спиной к нам, и пока поравняется с подсобкой, пройдет не меньше пятнадцати минут.

Я резко толкнул плечом рыжика в подсобку, но он успел отреагировать и расставил руки в стороны, упираясь о стенки. Слабый аргумент, его руки несложно было вернуть на прежнее место легким ударом в солнечное сплетение. Рыжик негромко вскрикнул, но я уже втолкнул его в подсобку, мягко закрыл за собой дверь и использовал швабру в качестве запора.

– Вы... вы... – пытался он озвучить свой испуг и вялое возмущение. – Я сейчас закричу! Вы ничего не сможете со мной сделать! Я сейчас...

– Тише, – перебил я рыжика и приставил указательный палец к его груди. – Я не причиню вам вреда, если вы ответите на мои вопросы. Отвечаете – и мы расходимся. Все ясно?

– Что вам надо? Я вас не знаю! Я отказываюсь говорить в этом месте!

Мне пришлось дать ему несильную пощечину. Рыжик сразу замолчал, а я, приблизившись к нему почти вплотную, сказал:

– Вы меня не знаете, но тем не менее звоните мне по утрам и пытаетесь запугать какими-то глупыми угрозами. Вы думали, что я вас не найду, и ваше хулиганство пройдет безнаказанно?

Вот только сейчас он по-настоящему испугался. Раскрыл рот, выдавил что-то нечленораздельное. У меня отлегло от сердца: звонил он, в этом можно было уже не сомневаться.

– Ну так о чем вы хотели меня предупредить?

– Бога ради, простите меня! – взмолился он, прижимая ладонь к ладони, будто молился на меня, как на икону. – Я совсем не желал вам зла. У меня и мысли не было угрожать вам. Я только хотел предупредить вас... то есть не я, а один молодой человек...

– Говорите спокойнее и внятнее. Вас только на митинги выставлять.

– Я не знаю вас совсем, – начал он, как ему показалось, с самого главного. – А так часто звонил потому, что мне все время мешали. Один раз я звонил из кабинета заместителя по финансам, но не успел ничего вам сказать, так как мне помешали, во второй раз я звонил из библиотеки, но там нельзя было говорить громко...

– Вы больной? Маньяк? У вас навязчивые идеи? – совершенно серьезно спросил я рыжика.

– Да нет же! Как вы не понимаете? Мне до вас вообще никакого дела нет! Я не по своей воле звонил вам. Меня попросили об этом, ну, как оказать небольшую услугу.

– Кто вас просил об этом?

– Один молодой человек. Я совершенно его не знаю, мы повстречались на пляже.

– И о чем он вас попросил?

Рыжик пожал плечами, будто этот вопрос очень его удивил.

– Позвонить вам и сказать, чтобы вы проявляли осторожность и обеспечили себе алиби.

– И все?

– Клянусь – ни слова больше.

– Он вам назвал мою фамилию?

– Да. Вацура, если не ошибаюсь?

– А телефон?

– Телефон он мне продиктовал, чтобы я записал номер своей рукой.

– А почему вы согласились выполнить такую странную просьбу?

Рыжик замаялся и я помог ему:

– Он вам заплатил.

Рыжик с усилием кивнул.

- Да. Простите меня, Ради Бога! Я думал, что этот звонок вам во благо.
- Как он выглядел?
- Молодой, не больше двадцати пяти. Крепкий, коренастый. "Качок", как их сейчас называют.
- Особые приметы?
- Рыжик задумался, наморщил лоб.
- Вы знаете, у него было настолько типичное лицо, что я вряд ли узнал бы его даже сейчас. Короткая стрижка, голова низко посажена. Крупный нос.
- С горбинкой?
- Нет, нос обычный, картошкой.
- Наколки на руках, груди?
- Рыжик отрицательно покачал головой.
- Не припомню. По-моему, не было.
- А почему он выбрал именно вас? Что, на пляже больше никого не было?
- Да что вы! Полно людей. А он, собственно, меня и не выбирал. Это я к нему подсел. Рядом с ним место свободное было.
- Он был один?
- Да. Сидел на полотенце, смотрел на море. Спросил о какой-то ерунде, вроде, нет ли у меня спичек? А я ведь не курю.
- А как он потом перешел к своей просьбе?
- Поинтересовался, в "Соколе" ли я отдыхаю? Я ответил: да, в "Соколе". Он говорит что-то вроде того, что очень хороший санаторий, он тоже в нем отдыхал, и вообще любит море, но сегодня уезжает, а до своего дружка, мол, дозвониться не успел, а сообщить ему надо нечто очень важное. И спрашивает, не могу ли я завтра позвонить по местному телефону? Ну и тут же портмоне раскрывает, достает двадцать долларов. Мне, знаете, так стыдно стало...
- Ладно, хватит, мне все ясно, – сказал я, почему-то испытывая к рыжему не самые добрые чувства.
- Только из лучших побуждений, – еще раз заверил он меня. – Так что, примите меры и готовьте, так сказать, алиби...
- Я это уже слышал, – перебил я его и вытащил швабру из дверной ручки.
- Мы вышли из подсобки и тотчас нос к носу столкнулись с уборщицей. Она воинственно наставила на нас шланг от пылесоса и спросила:
- Чего это вы там делали?
- Туалет искали, – ответил я.
- Туалет в номерах! – завопила уборщица. – Гадят где попало, как коты драные! Взрослые люди, и как не стыдно!
- Рыжему стало стыдно, и лицо его покраснело.
- А ловко вы меня насчет штрафа надули, – сказал он мне, когда мы дошли до лестничной площадки. – Я в самом деле поверил, что вы егерь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.